

ИСТИННЫЙ
ВЗОР

The poster features a large, close-up image of a woman's face, which is pale and textured like bark. She has a single, large, golden-yellow eye. Her hair is a dense, chaotic mass of dry, brown branches and twigs, with small purple flowers interspersed. She holds a small, glowing object in her right hand, from which a stream of light falls. In the background, a man sits by a campfire on a riverbank at night, looking up at the woman. The sky is dark with a full moon.

АН БАЙКА

Ан Байка

Истинный взор

<https://litres.ru/74234227>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Навьих топях пропадают люди. Одни винят туман, другие — чёрную воду, третьи шепчут о Лихе, одноглазой беде, что живёт среди камышей. Её боятся. Её именем пугают детей. Ей приписывают всё дурное, что случается на границе леса и болота.

Но однажды в топях появляется тот, кто должен был исчезнуть без следа. И тогда старые байки начинают трещать, как тонкий лёд под ногой.

«Истинный взор» — тёмный славянский сказ о молве, страхе, предательстве и той правде, которую не каждый способен увидеть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Нить в топи	5
Глава 2. Четвёртые сутки	11
Глава 3. Горький отвар	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ан Байка

Истинный взор

Пролог

Ходит молва по деревням, что жмутся к Навым топям, про одноглазую девицу. Сказывают лицом бела, статна, коса русая до пояса. Недурна собой, хоть и с одним глазом.

Другие же плюются, завидев в глуши. Все беды на неё сводят. А она сама людей боится, пуще огня. Завидит путника — в кусты так и норовит спрятаться. Заслышит голос — в трясину сунется. Не нападает, не кричит, не манит. Прячется и молча наблюдает.

— Лихо это, — молвит люд, не оглядываясь. — Встретишь её — беды не оберёшься. Скотина падёт. Хлеб в печи не взойдёт. Дети занемогут без причины. Беда она. Лихо!

Только вот что странно? Те путники, что возвращались живыми из топей, сказывали иное. Сидит девица на коряге. У чёрной воды, поджав босые ноги. В платье рваном, в тине. Грызёт сырой корень и смотрит на них. Одним глазом. Серым, живым, не злым. Не бежит, не кидается. Просто сидит и смотрит. А потом молвит, тихо, сипло:

— Уходите.

И если уйти сразу, не оглядываясь — ничего не случается.

Глава 1. Нить в топи

— Я не злая. Не злая, — повторяла девица тихо, чтоб даже лягушки не слышали.

В норе, под корнями старого дуба, было сухо. Она сидела, обхватив колени, и слушала, как топь дышит. Слушала, как болотные огоньки перекликаются над кочками.

А топь шептала:

— Кто ж тебе поверит, Лиха? Глаз один. Коса хоть и русая, а сама бледная, как смерть.

Вздыхнула девица. Уткнулась лицом в колени и закрыла глаз. Луна взошла высоко в небе. Круглая, белая. Будто сама из трясины вылезла.

Лиха выглянула наружу. Осмотрелась вокруг. Тишина, какая бывает только на могильниках. Нигде ни птица не крикнет. Ни зверь не пробежит. Девица выбралась из норы и посмотрела на ветви скрюченной ольхи. Она не знала будущего, как знают дорогу до родного порога. Но беду чуяла. Стоило путнику забрести в топи, как воздух вокруг него менялся. Камыши начинали шептать. Вода под кочками темнела. А над самой землёй будто протягивались тонкие дрожащие нити. Не настоящие — нет. Лиха не могла взять их в пальцы, связать или оборвать. Это было скорее чувство. Когда начнётся шаг. Где подломится воля. В какой миг человек обернётся на ложный голос и уже не найдёт дороги назад.

У одних путь был ровный, светлый. Ступай прямо, не слушай болото. И выйдешь к сухому лесу. У других всё путалось. Стоило такому путнику задержаться, оглянуться или испугаться — беда подступала ближе.

Потому Лиха и говорила:

— Уходите.

Не проклинала. Не манила. Не пугала ради забавы. Просто чувствовала, если задержится — топь возьмёт своё.

Над топью стелился туман. Камыши чернели, как частокол. Вода под луной казалась не водой, а открытым глазом — тёмным, бездонным, внимательным.

Лиха пошла вдоль кочек, ступая легко, почти бесшумно. Она знала эти места лучше, чем люди знают собственные избы. Знала, где земля держит, а где только делает вид. Знала, под какой травой прячется яма. Где коряга похожа на руку. Где вода умеет говорить голосом матери.

И вдруг Лиха остановилась. Среди тумана дрогнула нить. Не болотная. Не звериная. Человечья. Она тянулась из зарослей осоки. Тяжёлая, тёмная, почти оборванная. Лиха замерла. Хотела шагнуть назад. Хотела спрятаться, как всегда. Ведь люди приносили с собой страх, крики, железо, огонь. Но нить дрогнула снова. И вместе с ней донёсся слабый стон.

Лиха раздвинула камыши. На сырой земле лежал юноша. Молодой совсем. Волосы светлые кудрявые перепачканы, лицо в грязи, рубаха разодрана, бок тёмный от крови. Одна рука сжимала сломанный нож. Другая ушла в мох, буд-

то он пытался зацепиться за землю и не провалиться в топь.

Над ним висели нити.

Одна уходила прямо в чёрную воду — короткая, тяжёлая, уже почти погасшая.

Другая тянулась к деревне, к дымным крышам, к людским голосам. Но была она красноватой, злой. В ней Лиха увидела огонь у старого дуба. Мужиков с вилами. Женские вопли. И себя, загнанную к самой трясине.

Третья нить была тонкая, почти невидимая. Она вилась к её норе. К травам. К воде в берестяной чаше. К её рукам.

Лиха отступила.

— Нет, — прошептала она. — Нет.

Юноша застонал. Тихо.

Топь вокруг зашептала:

— Уйди, Лиха. Чужая беда не твоя. Спасёшь — хуже будет. Люди не помнят добра. Люди помнят страх.

Лиха стояла неподвижно. Нити над юношей дрогнули. Она не знала, как поступить. Знала только одно — если сейчас уйдёт, короткая тёмная нить оборвётся.

Юноша снова застонал. Из горла вырвался кашель впере-
мешку со сгустками крови. Лиха осмотрелась по сторонам. Никого. Сделала шаг вперёд.

Топь зашептала:

— Уходи, дурная. Он нежилец. Он мой! Чёрная вода его выпьет. Ряска укроет, а корни кости переберут.

Лиха замерла.

Нога сама попятилась назад — к камышам, к тёмной воде, к привычной тишине. Спрятаться бы. Забиться под корни старого дуба, зажмурить единственный глаз и не слышать больше ни кашля, ни хрипа, ни этого человеческого запаха. Люди всегда приносили беду. Крики. Огонь. Палки, вилы, ножи. Даже раненые, почти мёртвые, они всё равно были людьми. Очнётся — увидит её. Закричит. Поползёт прочь, раздерёт рану, а после приведёт других.

Лиха прижала руки к груди. Пальцы дрожали.

— Не моё, — прошептала она едва слышно. — Не моё это горе.

Топь довольно булькнула под кочкой, будто соглашаясь. Где-то рядом вспух пузырь и лопнул с мокрым чмоканьем.

Юноша шевельнулся. Несильно — только пальцы на сло-манном ноже разжались и снова сжались, будто он цеплялся не за оружие, а за саму жизнь. Нить над ним дрогнула. Та самая — тонкая, почти невидимая, что тянулась к Лихи-ным рукам. Она стала чуть ярче, будто кто-то осторожно раздул под золой крошечный уголёк. Лиха отвернулась. Сделала шаг назад. Ещё один. И тут юноша застонал снова. Тихо. Слабо. Не как тот, кто плюёт вслед и шепчет: «Лихо». А как живое существо, которому больно.

Лиха закрыла глаз. Постояла так, слушая, как топь зовёт её назад, в темноту. Слушая, как вода под корнями облизывается мокрым шёпотом. А потом медленно выдохнула.

— Не тронь, — сказала она уже не юноше, а болоту. —

Пока не тронь.

И только тогда подошла вплотную к раненому, опустилась на корточки и осторожно дотронулась до его плеча.

Раненый не дёрнулся. Нить, что тянулась к рукам Лихи, стала ярче.

— Надо как-то тебя к норе перетащить. Там суше. И теплее, — прошептала Лиха и огляделась в поисках длинных веток, чтобы сделать волокушу.

Ветки нашлись неподалёку — две длинные, крепкие, обломанные бурей. Лиха стянула их лыком, сверху набросала елового лапника. Затаив дыхание, осторожно перекатила юношу на шаткую лежанку.

Он не очнулся. Только стонал и хрипел, а из уголка рта тянулась тёмная кровавая нитка.

Лиха ухватила за концы веток и потащила волокушу к берёзе, что росла недалеко от её норы. Там земля была выше, суше, и корни держали крепче. Она натаскала ещё еловых веток, прикрыла сырой мох, устроила раненого так, чтобы бок его не касался холодной земли. Он за всё время так и не пришёл в себя. Лиха присела рядом, долго смотрела на его грязное лицо, на разодранную рубаху, на тёмное пятно у бока.

— Кто же тебя так? — произнесла она вслух и сама испугалась собственного голоса.

Юноша не ответил. Зато топь не смолчала.

— Глупая ты, Лиха. Ну выходишь ты его. И что дальше?

Не останется он в топях. А может и вообще людей приведёт за собой. Отдай мне, пока не поздно.

— Нет, — резко выпалила, подивившись собственной смелости. — Мне не надо, чтоб он оставался в топях. Одна из его нитей ведёт ко мне. Значит, мы с ним связаны. Значит, могу помочь. Я так решила.

— Ну и зря, — где-то в трясине раздулся пузырь и лопнул. Больше топь не промолвила ни слова.

Глава 2. Четвёртые сутки

Лиха принялась хлопотать вокруг раненого. Первым делом набрала воды из родника, протекавшего на границе Навых топей и деревенских земель. Затем натаскала еловых веток, чтобы ночью было чем укрыться. Когда начало смеркаться, девица отправилась на поляну за целебными травами и кореньями. Откуда знала, какие именно искать, — сама не ведала. Нужные стебли мерцали белёсым светом, словно сами просились ей в руки. Лиха охотно срывала всё, что вспыхивало среди темнеющей зелени.

На обратном пути ей попался торговый обоз, опрокинувшийся несколько лет назад. Прежде девица проходила мимо, не обращая на него внимания, но теперь почувствовала странное притяжение и сворачивать не стала. У сваленной возле тропы утвари Лиха выбрала наиболее уцелевший горшок, прихватила бурдюк и кувшин с отбитыми краями. Удовлетворённо кивнув самой себе, направилась к норе.

Юноша лежал, завалившись на больной бок. Безвольная рука свисала с лежанки, пальцы касались земли, а из уголка рта по-прежнему тянулась тонкая алая струйка. Видно, ненадолго приходил в сознание.

Девица испуганно отступила. Повезло, что в тот миг её не оказалось рядом.

Оправившись, она приблизилась и сложила принесённое

на землю. Затем, стараясь не потревожить лежащего, осторожно перевернула его на спину. Юноша даже не шелохнулся. Лоб покрывали мелкие бисеринки пота. Лиха коснулась его тыльной стороной ладони и почувствовала сильный жар. Оторвав полосу от его рубахи, смочила ткань холодной водой и положила сверху.

После этого девица осторожно разорвала липкую от крови одежду и обнажила рану.

Длинная. Рваная. Потемневшая по краям. Нож вошёл сбоку, ниже рёбер, но, к счастью, неглубоко. Скользнул по кости, содрал мясо и вышел вкось. Лишь осмотрев повреждение, Лиха отошла к кострищу. Развела огонь, перелила воду в найденный горшок и поставила его у самого пламени. Оставалось дожидаться, пока вода закипит, чтобы приготовить целебный отвар.

— Не взяла тебя смерть, — прошептала она. — Только зубами зацепила.

Прополоскав тряпки, Лиха промыла рану и приложила к ней травы, которые должны были вытянуть заразу и унять кровь. Тем временем поспел отвар. Девица осторожно вытащила горшок из костра и оставила остывать. Когда питьё стало тёплым, перелила его в бурдюк и принялась понемногу поить раненого. Поначалу тот не глотал. Лихе долго пришлось приноравливаться — приподнимать его голову,вливать по капле. Ждать, пока отвар пройдёт в горло.

Так миновали три дня.

Лиха ходила за водой и травами, промывала рану, меняла повязки, а в короткие минуты затишья дремала возле лежанки. Иногда юноша приоткрывал глаза, но так и не мог разглядеть, кто за ним ухаживает. Он метался в бреду, что-то шептал пересохшими губами. Жар постепенно отступил, однако после большой потери крови сил почти не осталось, а мысли путались и ускользали. На четвёртые сутки, под утро, Лиха задремала у лежанки, прислонившись спиной к берёзовому стволу.

Юноша открыл глаза.

Долгое время он лежал неподвижно. Только веки подрагивали, да хриплое дыхание с трудом пробивалось сквозь горло. Наконец приподнял левую руку и нащупал повязку на боку, там, куда пришёлся удар ножа. Пальцы скользнули по грубой ткани, засохшей крови и тугому узлу.

Потом он медленно повернул голову.

Лиха сидела неподалёку, чуть в стороне от костра. Распушенные во сне волосы почти целиком скрывали лицо. В зыбком утреннем полусвете виднелись лишь бледная щека, уголок губ да русая прядь, прилипшая к виску.

— Так вот... кхе-кхе... кто моя спаси-кхе... тельница, — хрипло выдавил он.

Лиха вздрогнула.

Голос ударил по ней хуже крика. Она вскочила, отдёргнула руку, которой только что придерживала бурдюк, и отступила

назад. Сердце бухнуло в груди так сильно, что на миг заглушило и шёпот топи, и потрескивание углей.

Юноша попытался приподняться, но тут же закашлялся. Боль скрутила его пополам, пальцы вцепились в еловые ветки под боком.

Лиха дёрнулась было прочь — к дубу, к норе. Но кашель у юноши был мокрым, рваным, а на губах снова проступила кровь. Она опустила голову, пряча лицо за волосами, и всё же подошла. Откупорила бурдюк с отваром и протянула раненому.

Он принял его дрожащими руками. Пальцы невольно коснулись её пальцев — тёплых, живых, испуганно дрогнувших. Лиха тут же отпрянула, будто обожглась. Юноша сделал несколько глотков. Теперь отвар проходил легче. Он прикрыл глаза, перевёл дыхание и лишь после этого протянул бурдюк обратно.

— Я Ясен, — сказал он тише. — А тебя как звать, девица ясная?

Лиха отвернулась.

— Неважно, как звать меня. Рана твоя затягивается. Но слаб ты ещё. Надобно отлежаться.

— Будь по-твоему, голубушка, — выдохнул он. — А как ты оказалась среди топей? Не слыхивал я, чтоб тут жил кто.

— Значит, не местный ты. Раз не слыхивал.

Ясен слабо усмехнулся, но тут же сморщился от боли.

— И то верно. Отчего же ты прячешься? Я вроде не стра-

шен. Наоборот, слабее котёнка новорождённого. Зла не причиню. Обещаю.

Лиха крепче сжала бурдюк.

— Я не боюсь тебя. Отдыхай.

Она ушла за ствол дуба, где была её нора, прижалась спиной к коре и долго не могла отдышаться. Грудь вздымалась часто-часто. Сердце билось так, будто вот-вот выпрыгнет наружу.

«Не видел», — сказала она себе.

Не видел. Не понял. И от этого почему-то стало не легче, а страшнее.

К полудню Ясен снова забылся тревожным сном. Черты его заострились, ресницы легли на бледные щёки, дыхание сделалось тише. Порой он шевелил губами, будто спорил с кем-то во сне, но слов было не разобрать.

Лиха долго сидела в стороне и ждала. Убедившись, что юноша крепко уснул, взяла чистые тряпки, туесок с настоем и пучок свежих трав. Следовало сменить повязку. Под старой тканью рана могла загноиться, а этого девица боялась почти так же сильно, как его взгляда.

Она приблизилась на цыпочках — так подбиралась к птицам с перебитым крылом. Спящий не шелохнулся. Опустившись рядом на колени, Лиха принялась развязывать узел. Ткань присохла к коже, и снимать её пришлось осторожно, размачивая край за краем. Распущенные волосы всё время падали вперёд, заслоняя обзор. Наконец девица нетерпеливо

отвела их за плечо.

Всего на миг.

Но этого мига хватило.

Ясен открыл глаза и увидел её целиком. Не тёмную прядь. Не бледную щёку. Не добрые руки, поившие его отваром.

Её настоящий облик.

Единственный серый глаз. Живой. Испуганный. Человечий. И всё же не такой, как у людей.

Юноша побелел сильнее прежнего. Губы раскрылись, но из горла не вышло ни звука — только сиплый выдох. Затем он резко дёрнулся назад.

— Ли... — выдохнул Ясен. — Лихо...

Слово ударило по ней, как камень. Девушка отпрянула. Тряпки выскользнули из рук и упали в мокрую траву.

— Не надо, — прошептала она.

Но он уже не слышал. Или слышал не её. Ясен попытался подняться. Ладонь зашарила по земле, ища опору, нож, ветку — хоть что-нибудь. Еловая лежанка хрустнула, резкое движение отозвалось болью в боку и согнуло его пополам.

— Не подходи! — хрипло вырвалось у него.

Лиха застыла. Так же замирала всякий раз, когда путники замечали её у воды. Сейчас следовало отступить. Спрятаться. Убежать в нору под дубом и зажмурить единственный глаз, пока крик не стихнет.

Ясен попробовал отползти, но ослабевшее тело не слушалось. Локоть скользнул по сырому мху, раненый бок прижал-

ся к краю лежанки — и юноша вскрикнул. На ткани медленно расплылось тёмное пятно.

Лиха шагнула вперёд. Он вздрогнул так, будто она подняла над ним нож. И тогда девица остановилась. Между ними потрескивал маленький костёр. Над топью ещё держалась белёсая дымка. Где-то в камышах тихо булькнула вода, и Лихе почудилось, будто болото довольно смеётся.

— Вот и увидел, — прошептала топь. — Вот и узнал.

Она опустила голову. Волосы снова упали вперёд, скрывая глаз.

— Я тебя не трону, — глухо произнесла Лиха. — Сам себя погубишь, если дальше поползёшь.

Ясен тяжело дышал, не сводя с неё широко раскрытых янтарных глаз. В них смешались боль, страх и непонимание. И ещё — та самая людская молва, что бежала впереди болотной девы быстрее любого ветра. Лиха подняла из травы чистую тряпку и положила на край лежанки. Не ближе.

— Перевязать надо, — сказала она. — А там уж бойся, коли силы останутся.

Отступила на шаг. Потом ещё на один. И села у корней берёзы, опустив голову.

Ясен не ответил. Только прижал ладонь к боку и зажмурился, будто всё ещё надеялся проснуться по-настоящему.

Глава 3. Горький отвар

Юноша по-прежнему не подпускал Лиху. Несколько раз она пыталась приблизиться, приносила отвар и чистые тряпки. Но всякий раз Ясен карабкался прочь, зажимая раненый бок. Так продолжалось, пока силы окончательно не оставили его и он вновь не потерял сознание.

Тогда девица осторожно сделала всё необходимое и отошла, больше не прикасаясь к нему. Лишь поставила у берёзового ствола бурдюк с отваром, чтобы, очнувшись, больной мог сам дотянуться и напиться. В чувство он не приходил до следующего утра. За это время Лиха успела сходить к роднику, пополнить запасы воды и трав, а ещё набрать на поляне горсть ягод. Их она высыпала рядом с бурдюком.

— Ну что? — насмехалась топь. — Я ведь предупреждала! А ты вообразила, будто он благодарить тебя станет? Нет. Для него ты одноглазое чудовище. Беда, которая ничего, кроме горя, не приносит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.